

М Е Т Е Л Ъ.

М Е Т Е Л Ъ .

Кони мчатся по буграмъ ;
Топчуть снѣгъ глубокой
Вопъ, въ споронкѣ Божій храмъ
Видѣнь одинокой.

.
Вдругъ мепелица кругомъ ;
Снѣгъ валяеть клоками ;
Черный вранъ, свиспя крыломъ,
Вѣтсся надъ саями ;
Въщій спонъ гласить печаль !
Кони поропливы
Чудко смонряеть въ шемну даль,
Воздымая гривы

Жуковский.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ
доспопамятную, жилъ въ своемъ по-

мѣспѣ Ненарадовѣ добрый Гаврила Гавриловичъ Р**. Онѣ славился во всемѣ округѣ гостепрїимствомѣ и радушіемѣ; сосѣды поминуюшно ѣздили къ нему поѣспѣ, попишѣ, поиграшѣ съ его женою, Прасковѣей Пепровною, по пяти копѣекѣ въ босшонѣ, а нѣкопорые для того, чшобѣ поглядѣшѣ на дочку ихѣ, Марью Гавриловну, спройную, блѣдную и семнадцатилѣшнюю дѣвицу. Она считалась богатой невѣсшою, и многіе прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспишана на Французскихѣ романахѣ, и слѣдсшвенно была влюблена. Предмешѣ, избранный ею, былѣ бѣдный армейскій Прапорщикѣ, находившійся въ ошпуску въ своей деревнѣ. Само по себѣ разумѣшся, чшо молодой челоуѣкѣ пымалѣ равною спрасшїю, и

что родители его любезной, замѣпя ихъ взаимную склонность, запрешили дочери о немъ и думашь, а его принимали хуже, нежели опшсавнаго засѣдашеля.

Наши любовники были въ перепи-скѣ, и всякой день видались наединѣ въ сосновой рошѣ или у спарой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ вѣчной любви, сѣшовали на судьбу и дѣлали различныя предположенія. Переписываясь и разговаривая ша-жимъ образомъ, они (что весьма ес-пешвенно) дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышашь не можемъ, а воля жестюкихъ родителей препяпшш-зуетъ нашему благополучію, по нельзя ли намъ будешь обойшисъ безъ нея? Разумѣешся, что эша ша-спливая мысль пришла сперва въ

**

голову молодому челоуѣку, и что она весьма поправилаь романическому воображенію Марьи Гавриловны.

Наспунила зима и прекрапила ихъ свиданія; но переписка сдѣлалась шѣмъ живѣе. Владиміръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываться нѣсколько времени, бросишься попомъ къ ногамъ родителей, которые конечно будутъ пронупы наконецъ героическимъ поспоянствомъ и несчастіемъ любовниковъ, и скажутъ имъ непремѣнно: Дѣщи! придите въ наши объяшія.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество плановъ побѣга было опвергнуто. Наконецъ она согласилась: въ назначенный день она должна была не ужинашь, удалишь въ свою комнату подъ предлогомъ головной боли. Дѣвушка ея была въ заговорѣ; объ

онѣ должны были выдти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найши гошовья сани, сядишься въ нихъ и ѣхашь за 5 верстѣ опѣ Ненарадова въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ Владиміръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшительнаго дня, Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бѣлье и плащѣ, написала длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ, ея подругѣ, другое къ своимъ родителемъ. Она прощалась съ ними въ самыхъ прогашельныхъ выраженіяхъ, извиняла свой просшупокъ неодолимою силою страсти, и оканчивала шѣмъ, что блаженнѣйшею минушою жизни почшеть она шу, когда позволено будетъ ей бросишься къ ногамъ дражайшихъ ея родителей. Запечатшавъ оба писъма Тульской печаш-

кой, на кошорой изображены были два пылающія сердца съ приличной надписью, она бросилась на поспель передь самымъ разсвѣшомъ и задремала; но и шупь ужасныя мечпанія поминушно ее пробуждали. То казалось ей, что въ самую минушу, какъ она садилась въ сани, чтобы ѣхашь вънчашься, отецъ ея оспанавливалъ ее, съ мучишельной быспрошой пащиль ее по снѣгу и бросалъ въ шемное, бездонное подземелье и она лешѣла спремглавъ съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; шо видѣла она Владиміра, лежащаго на правѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшишь съ нимъ обвѣнчашься другія безобразныя, безсмысленныя видѣнія неслись передь нею одно за другимъ. Наконецъ она вспала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ

непришворной головою болью. Опець и машь замѣнили ея безпокойство; ихъ нѣжная заботливосць и безпреспаные вопросы: что съ тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали ея сердце. Она спаралась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. Наспупилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаетъ она день посреди своего семейства, спѣсняла ея сердце. Она была чуть жива; она вшайнѣ прощалась со всѣми особами, со всѣми предметами, ея окружавшими. Подали ужинать; сердце ея сильно забилось. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и спала прощаться съ опцемъ и машерью. Они ее поцаловали и, по обыкновенію, благословили: она чуть не заплакала. Пришедъ въ свою комнату, она кинулась въ кресла и залилась слезами.

Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было гошово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставитьъ родительскій домъ, свою комнату, шихую дѣвическую жизнь На дворѣ была метель; вѣперѣ выль, сивавни пряслися и спучали; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домѣ все упихло и заснуло. Маша окуталась шалью, надѣла теплый капонтъ, взяла въ руки шапку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не упихла; вѣперѣ дуль навспрѣчу, какъ будто сился остановить молодую пресступницу. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дожидались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не спояли на мѣстѣ; кучеръ Владиміра разхаживалъ передъ оглоблями, удер-

живая репивыхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвушкѣ уѣснѣться и уложить узлы и шапку, взялъ возжи, и лошади полетѣли. Поручивъ барышню попеченію судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разъѣздѣ. Утромъ былъ онъ у Жадринскаго священника; насилу съ нимъ уговорился; попомъ повхаль искашь свидѣтелей между сосѣдними помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, отставной сорокалѣтній Корнепъ Дравинъ, согласился съ охопою. Это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прѣжнее время и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Владиміра оснашѣться у него опобѣдашь, и увѣрилъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не спансѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, пошчасъ послѣ обѣда

явились землемѣръ Шмигль въ усахъ и шпорахъ, и сынъ Капишанъ-Исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ Уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ гошовности жерпировать для него жизнью. Владиміръ обнялъ ихъ съ воспоргомъ, и поѣхалъ домой пригошовляясь.

Уже давно смеркалось. Онъ отправилъ своего надежнаго Терешку въ Ненарадово съ своею шройкою и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ, а для себя велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ безъ кучера отправился въ Жадрино, куда часа черезъ два должна была пріѣхать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а ѣзды всего двадцать минушь.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣшеръ и сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не увидѣлъ. Въ одну минушу дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мушной и желпованой, сквозь кошорую лешѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хошѣлъ снова попасть на дорогу; лошадь спущала наудачу и поминутно по взѣзжала на сугробъ, по проваливалась въ яму; сани поминутно опрокидывались; Владиміръ спарался только не потерять наспоющаго направенія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до Жадринской роци. Прошло еще около десяти минутъ; роци все было не видашь. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель

не ушихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала устывать, а съ него пошъ кашился градомъ, не смотря на шо, что онъ поминушно былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ ту сторону. Владиміръ оспановился: началъ думать, припоминать, соображать, и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть спупала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно было быть недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы, да овраги; поминушно сани опрокидывались, поминушно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно беспокоиться.

Наконецъ въ споронѣ что-то спало чернѣшь. Владиміръ поворошилъ шуда. Приближаясь, увидѣлъ

онъ рощу. Слава Богу, подумаль онъ, теперь близко. Онъ поѣхаль около рощи, надѣясь пошчасъ понаспь на знакомую дорогу или объѣхашь рощу кругомъ: Жадрино находилось пошчасъ за нею. Скоро нашель онъ дорогу, и вѣхаль во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Вѣперь не могъ шупь свирѣпшвовашь; дорога была гладкая; лошадь ободрилась и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхаль, ѣхаль, а Жадрина было не видашь; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣль, что онъ заѣхаль въ незнакомый лѣсъ. Опчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное животное пошло было рысью, но скоро спало приспавашь и черезъ четверть часа пошло шагомъ, не смопря на всѣ усилія несчастнаго Владиміра.

*

Мало по малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видашь. Должно было бышь около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ на удачу. Погода ушла, тучи разошлись, передъ нимъ лежала равнина, успанная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ чепырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избышки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и спалъ стучапись. Черезъ нѣсколько минушь деревянный славень поднялся и спарикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-шо далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; верстѣ десятокъ будетъ.» При семъ опившѣ Владиміръ схватилъ себя за

волосы и оспался недвижимъ , какъ человекъ , приговоренный къ смерти.

« А отколѣ ты? » продолжалъ спарикъ. Владиміръ не имѣлъ духа отвѣчать на вопросы. « Можешь ли ты , спарикъ , сказать онъ , достать мнѣ лошадей до Жадрина ? » — « Каки у васъ лошади , » отвѣчалъ мужикъ. — « Да не могу ли взять хопъ проводника ? Я заплачу , сколько ему будетъ угодно. » — « Поспой , сказалъ спарикъ , опуская спавень , я те сына вышлю ; онъ те проводишь. » Владиміръ спалъ дожидаться. Не прошло минушы , онъ опять началъ спучаться. Спавень поднялся , борода показалась. « Что те надо ? » — « Чпо жъ швой сынъ ? » — « Сей часъ выдешъ , обувается. Али ты прозябъ ? взойди погрѣшься » — « Благодарю , высылай скорѣ сына. »

Воропа заскрышѣли ; парень вышелъ съ дубиною , и пошелъ впередъ , по

указывая, по опыскивая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. «Который часъ?» спросилъ его Владиміръ. «Да ужъ скоро разсвѣнешь,» отвѣчалъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣпухи и было уже свѣшло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплапиль проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворъ пройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его!

Но возвратимся къ добрымъ Ненаеровскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Сшарики проснулись и вышли въ гостиную, Гаврила Гавриловичъ въ колпакъ и байковой курскѣ, Прасковья Пешровна въ шлафрокъ на вѣшѣ. Подали самоваръ, и Гаврила

Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнать ошъ Марьи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка ворошилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де шеперь легче, и что она-де сей часъ придетъ въ госпиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась и Марья Гавриловна подошла здороваться съ папенькой и съ маменькой.

«Что шволя голова, Маша?» спросилъ Гаврила Гавриловичъ. — «Лучше, папенька,» отшвѣчала Маша. — «Ты вѣрно, Маша, вчерась угорѣла,» сказала Прасковья Пешровна — «Можешъ бышь, маменька,» отшвѣчала Маша.

День прошелъ благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лѣкаремъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣд-

ная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никшо въ домѣ не зналъ о предположенномъ побѣгѣ. Письма, на канунѣ ея написанныя, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господъ. Священникъ, опсшавной корнешъ, усаспый землемѣръ и миленькой Уманъ были скромны, и не даромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хмѣлю. Такимъ образомъ шайна была сохранена болѣе, чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ. Но Марія Гавриловна сама, въ безпрестанномъ бреду, высказывала свою шайну. Однакожь ея слова были сиполь несообразны ни съ чѣмъ, чшо машь, не опшодившая опъ ея посшели, могла понять изъ нихъ шолько шо, чшо дочь ея была смерштельно влюблена во Владиміра Ни-

колаевича, и что вѣроятно любовь была причиною ея болѣзни. Она совѣщавалась со своимъ мужемъ, съ нѣкоторыми сосѣдами, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно такава была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, что бѣдноснѣе не порокъ, что жизнь не съ богатствомъ, а съ человекомъ, и этому подобное. Нравственныя поговорки бывающѣ удивительно полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ошѣ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между тѣмъ барышня спала выздоравливать. Владиміра давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ пріемомъ. Положили послать за нимъ и объявишь ему неожиданное щастіе : согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе Ненародовскихъ помѣ-

щиковъ, когда въ опвѣщъ на ихъ приглашеніе получили они опъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будешь никогда въ ихъ домъ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть оспается единою надеждою. Черезъ нѣсколько дней узнали они, что Владиміръ уѣхалъ въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Машѣ. Она никогда не упоминала о Владиміръ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спуся, нашедъ имя его въ числѣ опличившихся и тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ и боялась, что объ горячка ея не врачилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствій.

Другая печаль ее посѣпила: Гаврила Гавриловичъ скончался, оспа-

ва ее наслѣдницей всего имѣнія. Но наслѣдство не упѣшало ея; она раздѣляла искренно горестъ бѣдной Пракскови Петровны, клялась никогда съ нею не разсваваться; обѣ онѣ оставили Ненародово, мѣспо печальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ ***ское помѣстье.

Женихи кружились и шупь около милой и богатой невѣсты; но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Машь иногда уговаривала ее выбратьъ себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ: онѣ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вшупленія Французовъ. Память его казалась священною для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, что могло его напоминать: книги, имѣ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имѣ переписанные

для нея. Сосѣды, узнавъ обо всемъ, дивились ея посшоянству и съ любовыпспивомъ ожидали Героя, долженспвовавшего наконецъ воспоржеспвовать надъ печальной вѣрносшю эпшой дѣвспвенной Аршемизы.

Между шѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ навспрѣчу. Музыка играла завоеванныя пѣсни: *Vive Henri-Quatre*, Тирольскіе вальсы и аріи изъ Жоконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти опроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣшенныя креспами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминушно въ рѣчь Нѣмецкія и Французскія слова. Время незабвенное! Время славы и воспорга! Какъ сильно билось Русское сердце при словѣ Опечеспво! Какъ сладки были

слезы свиданія! Съ какимъ единодушiемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ Государю! А для Него, какая была минута!

Женщины, Русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Воспоргъ ихъ былъ испинно упоишеленъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: *ура!*

И въ воздухъ чепчики бросали.

Кпо изъ погдацинхъ Офицеровъ не сознается, что Русской женщины обязанъ онъ былъ лучшей, драгоценнѣйшей наградой? . . .

Въ это блиспапельное время Марья Гавриловна жила съ машерью въ*** Губернiи, и не видала, какъ обѣ столицы праздновали возвращенiе войскъ. Но въ уѣздахъ и деревняхъ общiй воспоргъ, можетъ быть, былъ еще сильнѣе. Появленiе въ

сихъ мѣспахъ офицера было для него наспоющимъ поржеспвомъ , и любовнику во фракъ плохо было въ его сосѣдспвѣ.

Мы уже сказывали , что , не смотря на ея холодность , Марья Гавриловна все попережнему окружена была искашелями . Но всѣ должны были опспупишь , когда явился въ ея замкѣ раненый Гусарской Полковникъ Бурминъ , съ Георгіемъ въ пѣплицѣ и съ *интересной блѣдностію* , какъ говорили памошнія барышни . Ему было около двадцати шеспи лѣшъ . Онъ пріѣхалъ въ опспускъ въ свои помѣспья , находившіяся по сосѣдспву деревни Марьи Гавриловны . Марья Гавриловна очень его оппичала . При немъ обыкновенная задумчивость ея оживлялась . Нельзя было сказашь , чшобъ она съ нимъ ко-

кешничала ; но Поэшь , замѣпя ея поведеніе , сказалъ бы :

Se amor non è, che dunque?...

Бурминъ былъ , въ самомъ дѣлѣ , очень милый молодой человекъ . Онъ имѣлъ именно шопъ умъ , кошорый нравишся женщинамъ : умъ приличія и наблюденія , безо всякихъ приязаній и безопасно насмѣшливый . Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно ; но чшобъ она ни сказала или ни сдѣлала , душа и взоры его шакъ за нею и слѣдовали . Онъ казался нрава шихаго и скромнаго , но молва увѣряла , что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою , и эшо не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны , кошорая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости , обнаруживающія смѣлость и пылкость характера .

Но болѣе всего (болѣе его нѣжности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодого Гусара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаваться въ томъ, что она очень ему нравилась ; вѣроятно и онъ , съ своимъ умомъ и опытноспью , могъ уже замѣтить , что она опличала его : какимъ жѣ образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыхала его признанія ? Что удерживало его ? робость , неразлучная съ истинною любовію , гордость или кокетство хитраго волокиты ? Это было для нея загадкою . Подумавъ хорошенько , она рѣшила , что робость была единственно тому причиною , и положила ободрить его большею внимательностію , и смотря по об-

спояшельствамъ , даже нѣжностію. Она пріугошовляла развязку самую неожиданную и съ неперпѣніемъ ожидала минушы романическаго объясненія. Тайна, какого роду ни была бы, всегда пѣгоспна женскому сердцу. Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ : по крайней мѣрѣ , Бурминъ впалъ въ шакую задумчивость , и черные глаза его съ шакимъ огнемъ оспанавливались на Марьѣ Гавриловнѣ , чшо рѣшительная минуша, казалось, уже близка. Сосѣды говорили о свадьбѣ , какъ о дѣлѣ уже конченномъ , а добрая Прасковья Пешровна радовалась , чшо дочь ея наконецъ нашла себѣ доспойнаго жениха.

Спарушка сидѣла однажды одна въ госпиной , раскладывая грань-пасьянсъ , какъ Бурминъ вошелъ въ комнату и пошчасъ освѣдомился о Ма-

**

рьъ Гавриловнѣ. « Она въ саду, опвѣчала спарушка; подише къ ней а я васъ буду здѣсь ожидать. » Бурминъ пошелъ, а спарушка перекреспилась и подумала : авось дѣло сего дня же кончится !

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда , подѣ ивою , съ книгою въ рукахъ , и въ бѣломъ плащѣ , настоящей героинею романа. Послѣ первыхъ вопросовъ , Марья Гавриловна нарочно переспала поддерживать разговоръ , усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство , опъ котораго можно было избавиться развѣ только внезапнымъ и рѣшительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось : Бурминъ , чувствуя затруднительность своего положенія , объявлялъ , что искалъ давно случая опкрыть съ свое сердце , и оппотребовалъ минушы вниманія. Марья Гаври-

ловна закрыла книгу и потупила глаза въ знакъ согласія.

« Я васъ люблю, сказалъ Бурминъ, я васъ люблю страшно. . . . » (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). « Я поступилъ неоспорочно, предаваясь милой привычкѣ, привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно. . . . » (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.) « Теперь уже поздно прощившись судьбѣ моей; воспоминаніе объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ, опнынѣ будещъ мученіемъ и оправдою жизни моей; но мнѣ еще оспиаешся исполнить тяжелую обязанность, опкрыть вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду. . . . » — « Она всегда существовала, прервала съ живоспію Марья Гавриловна, я никогда не могла бытъ вашею женою. . . . » — « Знаю,

опвѣчалъ онъ ей тихо, знаю, что некогда вы любили, но смерть и при года сѣпованій. . . . Добрая, милая Марья Гавриловна ! не спарайшесь лишить меня послѣдняго упѣшенія : мысль, что вы бы согласились сдѣлать мое счастье, если бы...» — «Молчите, ради Бога, молчите. Вы перзаеете меня.» — « Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнѣйшее созданіе. . . . я женапъ ! »

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

« Я женапъ, продолжалъ Бурминъ ; я женапъ уже чепверпой годъ и не знаю, кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь ! »

« Что вы говорите ? » воскликнула Марья Гавриловна ; « какъ это спран-

но! Продолжайте; я расскажу послѣ... но продолжайте, сдѣлайте милость.»

«Въ началѣ 1812 года, сказалъ Бурминъ, я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Пріѣхавъ однажды на спанцію поздно вечеромъ, я велѣлъ-было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смогрипель и ямщики совѣщовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное безпокойство овладѣло мною; казалось, кно - то меня такъ и шолкалъ. Между шѣмъ метель не унималась; я не выперпѣлъ, приказалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить намъ пушь тремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очуши-

лись мы въ незнакомой споронѣ. Буря не усихала; я увидѣлъ огонекъ, и велѣлъ ѣхать спуда. Мы пріѣхали въ деревню; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была отворена, за оградой спояло нѣсколько саней; по паперпи ходили люди. «Сюда! сюда!» закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подѣхать. «Помилуй, гдѣ ты замѣшкался?» сказалъ мнѣ кто-то; «невѣста въ обморокѣ; пощ не знаетъ, что дѣлать; мы гошovy были ѣхать назадъ. Выходи же скорѣе.» Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви; другая перла ей виски. «Слава Богу, сказала эша, насилу вы пріѣхали. Чуть-было вы барышню не уморили.» Старый священникъ подошелъ ко

мнѣ съ вопросомъ: « Прикажете начинатьъ ? »—« Начинайше, начинайше, батюшка , » ошвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна... Непонятная, непростишная въпреносъ... я спалъ подлѣ нея передъ наломъ; священникъ шоропился; шрое мушцинѣ и горничная поддерживали невѣспу и заняшы были шолько ею. Насъ обвѣнчали. « Поцалуйшесь , » сказали намъ. Жена моя обрапила ко мнѣ блѣдное свое лице. Я хопѣлъ было ее поцаловашъ ... Она вскрикнула : « Ай, не онъ ! не онъ ! » и упала безъ памяти. Свидѣтели усшремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всякаго преняшствія, бросился въ кибишку и закричалъ : пошелъ !

« Боже мой ! » закричала Марья Гавриловна ; » и вы не знаете, что сдѣлалось съ бѣдною вашею женою ? »

« Не знаю, отвѣчалъ Бурминъ; не знаю, какъ зовуть деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню, съ копорой спанціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ пресупной моей проказѣ, что, опѣхавъ опѣ церкви, заснулъ, и проснулся на другой день поушру, на прешей уже спанціи. Слуга, бывшій тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ, что я не имѣю и надежды опыскашь шу, надѣ копорой подшупилъ я такъ жестоко, и копорая теперь такъ жестоко опомщена. »

« Боже мой, Боже мой! » сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку; « такъ эшо были вы! И вы не узнаете меня? »

Бурминъ поблѣднѣлъ. . . . и бросилъ къ ея ногамъ. . . .
